

www.volsu.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2015.3.18>

УДК 336.025

ББК 65.26

КАК НАЙТИ ОПТИМУМ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ: ПРОЕКЦИЯ НА РОССИЮ ¹

(Рец. на кн.: Barr, N. Pension reform: A short guide [Text] / N. Barr,
P. Diamond. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 261 p.)

Карэн Авакович Туманянц

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и экономической политики,
Волгоградский государственный университет
tka210@gmail.com
просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Викторовна Утученкова

Старший преподаватель кафедры менеджмента,
Волгоградский государственный университет
maria.utuchenkova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация

© Туманянц К.А., Утученкова М.В., 2015

В книге Николаса Барра и Питера Дамонда «Пенсионные реформы: краткий путеводитель» обобщен огромный профессиональный опыт двух известных во всем мире специалистов по пенсионному обеспечению. Особую весомость авторским выводам придает тот факт, что профессор Лондонской Школы Экономики Н. Барр и профессор Массачусетского Технологического Университета П. Дамонд не только крупные теоретические исследователи пенсионных отношений, но и практикующие эксперты. Оба сотрудничали с Всемирным банком при разработке программ пенсионных реформ в посткоммунистических

государствах. Кроме того, Барр в составе группы специалистов давал рекомендации правительствам Австралии, Великобритании, Венгрии, Китая, Новой Зеландии, Чили, Швеции и Южной Африки, а Дамонд консультировал Конгресс США по вопросам социальной защиты населения.

На наш взгляд, ключем к пониманию авторского подхода выступает мысль об отсутствии единственного, универсального для всех стран и в любой период времени, оптимума пенсионной системы. В зависимости от задач, которые стоят перед обществом, национальная модель пенсионных отношений

может конструироваться различным образом и при этом критерием эффективности будет выступать степень достижения поставленных целей, а не соответствие абстрактным принципам. В этой части Барр и Диамонд бросают вызов сложившемуся под эгидой Всемирного банка консенсусу, когда наиболее перспективной была названа трехъярусная пенсионная система.

На ее первом уровне государством осуществляется защита от бедности путем предоставления минимального гарантированного пособия каждому человеку, достигшему пенсионного возраста. На втором ярусе формируются отношения, направленные на увязку размера пенсии с результатами трудовой деятельности человека. Третий уровень представляет собой комплекс общественных институтов, участвующих в капитализации индивидуальных взносов на личное пенсионное обеспечение. Внешняя логичность и обоснованность формулы Всемирного банка не должна вводить в заблуждение. Барр и Диамонд убедительно доказывают: огромное разнообразие специфических характеристик национальных моделей пенсионной системы приводит к столь же разнообразным последствиям их функционирования.

Формула Всемирного банка оставляет открытыми массу вопросов. Например, участие граждан в накопительных пенсионных планах должно быть добровольным или обя-

зательным? Требуется ли фондирование пенсионных обязательств на втором ярусе и, если да, то оно должно осуществляться на коллективном или индивидуальном уровне? Какие именно факторы должны влиять на размер пенсии при распределительном характере финансового обеспечения пенсионной системы: продолжительность стажа, размер заработной платы, пенсионные взносы и т. д.?

Домашние хозяйства испытывают необходимость в выравнивании объемов потребления между различными периодами своей жизни и в страховании социальных рисков, например, потери трудоспособности (см. рис. 1). Если отрезком T_0T_1 обозначить период человеческой жизни, а T_1T_2 – период его трудовой деятельности, то в период T_2T потребление поддерживается за счет пенсионных выплат, источником которых выступают взносы, представляющие собой положительную разницу между доходом и потреблением.

Исходя из этих целей, авторы книги «Пенсионные реформы...» предлагают оценивать результативность пенсионной системы по нескольким критериям: борьба с бедностью, влияние на распределение доходов, воздействие на рынок труда и экономику. Многозадачность функционирования пенсионной системы требует ее комплексного анализа, учитывающего весь спектр аспектов и последствий.

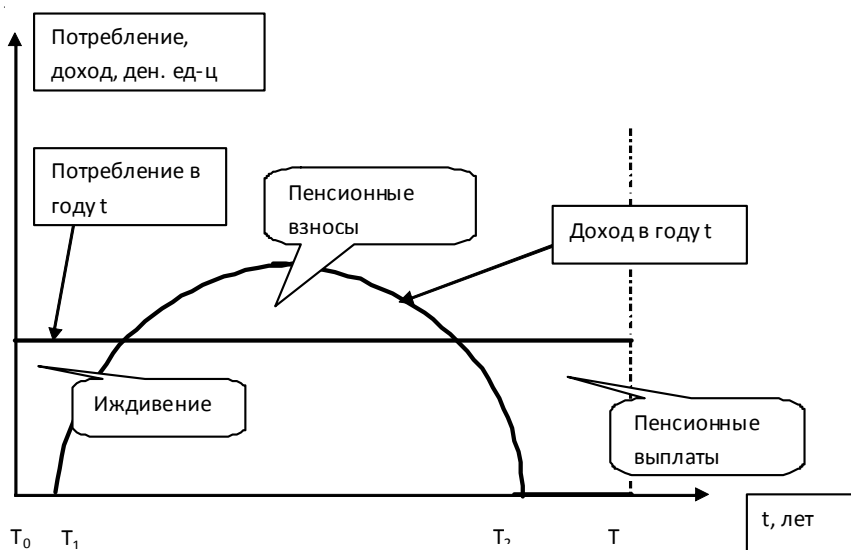

Рис. 1. Гипотеза «жизненного цикла» А. Андо и Ф. Модильяни применительно к пенсионному обеспечению

Примечание. Составлено авторами.

Если говорить о помощи малоимущим слоям населения, то Барр и Диамонд подчеркивают, что возраст это хороший индикатор бедности [5, с. 153]. Действительно, для пожилых людей вероятность оказаться в состоянии дефицита дохода выше, чем для других социальных групп. С этой точки зрения, предоставление пенсии, не обусловленное предыдущими взносами работника представляется авторам книги простым и эффективным средством снижения уровня бедности. Для большого числа африканских, азиатских и латиноамериканских государств формирование системы сбора информации о трудовом стаже каждого работника и размере его платежей требует существенных расходов, сопоставимых с объемом всей социальной программы. А для жителей сельских районов некоторых стран получение таких данных подчас просто невозможно. Стремление к упрощению и удешевлению деятельности институтов пенсионных систем является очень важным для Барра и Диамонда. В этом, по их мнению, с которым трудно не согласиться, залог повышения эффективности пенсионных институтов. В подтверждение этой мысли в книге приводится опыт нескольких стран мира, где получение «noncontributational pension» (пенсии, не связанной с размерами взносов) обусловлено лишь длительностью резидентства человека в данной стране.

Однако универсальность рецепта двух профессоров вызывает сомнения. Они сами указывают в книге на тот факт, что помимо возраста существует большое число факторов, оказывающих влияние на уровень благосостояния человека. Например, состав семьи. Для одиноких стариков риски депривации неизмеримо выше, чем для семейных. Кроме того, финансирование пенсий за счет общих (нецелевых) налогов, хотя и дешевле для общества, но порождает эффект безбилетника, когда работник, всю жизнь имевший неформальную занятость, претендует на социальный трансфер наравне с законопослушным налогоплательщиком. Следует отметить, что исследование стимулов, в целом, нельзя отнести к сильной части книги «Пенсионные реформы...».

Многие рекомендации авторов выглядят чрезмерно поверхностно. В частности, в книге

несколько раз используется пример Австралии, где в 1992 г. был принят закон о необходимости уплаты дополнительных налогов для налогоплательщиков, не осуществляющих пенсионные взносы, в сумме превышающей экономию от пенсионных платежей. В результате охват пенсионированием («coverage») вырос с 75 до 80 % и достиг 92-93 % всей рабочей силы. Действенность такого способа решения проблемы неформальной занятости в развивающихся странах и странах с переходной экономикой весьма сомнительна.

Российский работодатель, не желающий уплачивать обязательные социальные сборы, и практикующий «конвертные» зарплаты, вряд ли испугается угрозы повышения отчислений по другим налогам. Да и для гражданина соблазн получать пожизненную пенсию не уплатив при этом ни копейки взносов весьма велик. На наш взгляд, социальные трансферты, имеющие целью поддержку уровня жизни малоимущих слоев населения, целесообразно выводить за рамки пенсионных отношений и осуществлять в рамках бюджетных механизмов социальной защиты населения. В этом смысле дискуссионной представляется сама постановка авторами вопроса о необходимости включения в круг задач пенсионной системы снижения уровня бедности. Например, в Грузии фактически отсутствует государственная пенсия. Она заменена пособием по нуждаемости, основанием получения которого является результат проверки уровня благосостояния заявителя.

Целесообразность функционирования второй компоненты пенсионной системы, обеспечивающей взаимосвязь пенсионной выплаты с трудовой деятельностью человека, не вызывает сомнений. Однако практические попытки сформулировать такие взаимосвязи на индивидуальном уровне требуют внимания к большому числу нюансов. Например, Барр и Диамонд неоднократно поднимают проблему гендерного неравенства в пенсионных отношениях, которая чрезвычайно слабо изучена в отечественной научной литературе. При прямолинейной связи размера пенсии с продолжительностью трудового стажа или размером произведенных пенсионных отчислений объективная необходимость для женщин определенный период в трудоспособном

возрасте посвящать рождению и уходу за детьми обуславливает заведомо худшие условия пенсионного обеспечения для них. В этой связи довольно перспективной представляется идея двух других американских авторов, Котликофа и Бернса, предложивших [8] рассматривать пенсионные взносы как совместную ответственность супругов. К сожалению, на страницах книги Барра и Диамонда эта мысль не обсуждается.

Авторы весьма осторожно относятся к механизму фондирования пенсионных обязательств, составляющему третий ярус стандартной модели пенсионной системы, рекомендуемой Всемирным банком. Эту настоятельность они объясняют необходимостью наличия комплекса предпосылок для успешного введения накопительной пенсии: макроэкономическая стабильность, в частности стабильно низкая инфляция; развитый финансовый рынок и его эффективное государственное регулирование; посильный для экономики размер трансформационных издержек, возникающих в процессе перехода к капитализации пенсионных взносов [5, с. 113]. Как метко было замечено Барром и Диамондом в более ранней совместной статье [6] по поводу последней предпосылки: даже если есть более хорошая пенсионная система, чем имеющаяся, это не значит, что надо обязательно к ней переходить. Условием, в значительной степени обеспечивающим формирование всех указанных предпосылок, выступают хорошие институциональные возможности («institutional capacity») общества. Таким образом, по мысли авторов, далеко не всем странам может быть рекомендовано фондировать пенсионные обязательства.

В этой части книги вновь проявляется недооценка обратных эффектов, порождаемых механизмом капитализации пенсионных взносов. Пенсионные фонды генерируют спрос на финансовые активы, расширяя и углубляя тем самым, национальный рынок капитала. Приход пенсионных денег в финансовую индустрию формирует общественный запрос на качественное государственное регулирование, создает основу для широкой коалиции различных социальных групп в поддержку жесткой антиинфляционной политики. Следовательно, возникновение накопительных отношений в

пенсионной системе усиливает стимулы к построению системы институтов, комплиментарных к целям национального экономического развития.

Обращение к российскому опыту подтверждает этот аргумент. На момент создания механизма капитализации пенсионных взносов инфляция в России составляла более 15 % в год, стоимость фондовых активов была эквивалентна трети ВВП, практически отсутствовал рынок корпоративных облигаций, а регулирование деятельности негосударственных пенсионных фондов осуществляло Министерство социальной защиты населения. В последующие десять лет одновременно с эволюцией отечественных механизмов фондирования пенсионных обязательств темпы роста цен упали до однозначного уровня, размер государственного долга относительно ВВП сократился в четыре раза. Совокупная рыночная стоимость обращающихся ценных бумаг выросла до 65 % от ВВП, причем на корпоративный долг приходится около пятой части этой величины. Число отечественных компаний, ценные бумаги которых прошли биржевой листинг, выросло с 196 до 276. Контроль и надзор за инвестированием пенсионных накоплений был передан в Федеральную службу по финансовым рынкам, а позднее консолидирован в Центральном банке РФ. Практически с нуля в России был создан институт специализированного депозитария, соответствующий лучшим мировым практикам кастодиальной деятельности.

С другой стороны, ожидание подготовки всех необходимых условий в стране для введения накопительной пенсии может длиться бесконечно. Это связано с относительностью таких характеристик, как «стабильный», «развитый», «эффективный» и т. д. в стационарном и динамическом аспекте. Даже условное достижение этих состояний в определенный момент времени не гарантирует их сохранение в дальнейшем. Как известно, в последнее время российская инфляция вновь превысила 10 % в годовом выражении, размер фондового рынка упал ниже уровня 50 % ВВП. Укрепление курса рубля периодически сменяется шоковыми эпизодами девальвации.

Строго говоря, приведенные факты не опровергают точки зрения Барра и Диамон-

да. Они лишь свидетельствуют о том, что пенсионные реформы редко проводятся в условиях идеальной готовности всех необходимых слагаемых для их успеха. Важно, чтобы осуществление преобразований в пенсионной системе подкреплялось положительной динамикой в сопряженных сферах. Несмотря на предшествующие позитивные тенденции, в России еще сделано недостаточно, что и повлекло снижение макро- и микроэкономической результативности механизма накопительного пенсионного обеспечения.

В частности, целый ряд решений российских властей в последние годы способствовали росту трансформационных издержек перехода к частично фондируемым пенсионным отношениям, что, как убедительно доказывают Барр и Диамонд, ухудшает условия функционирования механизма капитализации пенсионных взносов. Валоризация пенсионных обязательств, индексация солидарной пенсии, сохранение льготных режимов пенсионного обеспечения для отдельных групп занятых и гарантированный характер базовой пенсии широкому кругу лиц, отказ от повышения пенсионного возраста на фоне расширения льгот по уплате пенсионных взносов для отдельных категорий плательщиков и роста напряженности исполнения федерального бюджета в целом спровоцировали изменение пропорций между перераспределительным и накопительным механизмом пенсионного обеспечения в

пользу первого. По нашим расчетам при сохранении сложившихся тенденций у работника с 35-летним трудовым стажем и среднероссийским размером заработной платы накопительная пенсия составит лишь 10–20 % от солидарной пенсии. Наши результаты соответствуют оценкам других исследователей [1; 3].

Наличие трех указанных предпосылок, по мнению авторов книги, создает необходимые, но не достаточные условия для введения пенсионных накоплений. До принятия такого решения следует ответить на два вопроса: увеличивают ли пенсионные накопления национальные сбережения и если да, то приводит ли это к росту общественного благосостояния? [5, с. 62]. Ответы на них отнюдь не тривиальны. Международный опыт демонстрирует широкий диапазон последствий фондирования пенсионных обязательств для размера национальных сбережений от негативно до сугубо положительного. Барр и Диамонд обуславливают характер влияния капитализации пенсионных взносов на сберегательную активность экономических субъектов особенностями поведения последних и состоянием государственного бюджета страны.

Аргументируя свою точку зрения, авторы приводят пример Китая, где отсутствует всеобщее пенсионное обеспечение и при этом наблюдается высокая норма сбережений (см. рис. 2). Если одной из целей накоплений

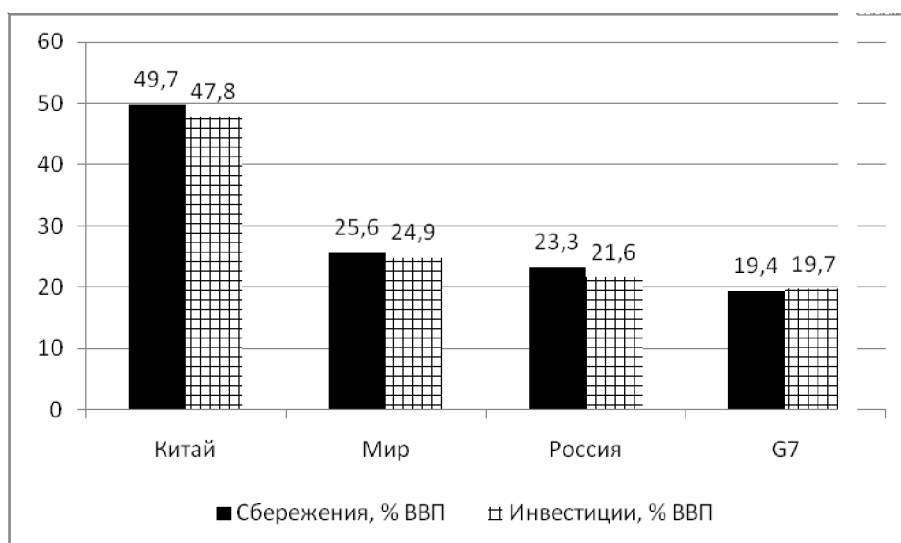

Рис. 2 Доля сбережений и инвестиций в 2013 г., в % ВВП

Примечание. Источник: [7].

китайских домашних хозяйств выступает обеспечение собственной старости, то введение фондируемой пенсионной системы в лучшем случае не окажет воздействия на национальный объем сбережений. Произойдет замещение несистемных сбережений каждого отдельного домашнего хозяйства регулярными взносами в рамках коллективной пенсионной программы. При наличии доверия к коллективному механизму обеспечения старости уровень сберегательной активности может даже снизиться по сравнению с ситуацией до введения пенсионной системы.

Эта мысль книги «Пенсионная реформа...», на наш взгляд, довольно точно описывает специфику национальной модели пенсионной системы России и многих постсоциалистических государств. Основываясь на общественных традициях патернализма, существенном улучшении пенсионного обеспечения в последние годы и законодательно установленном минимальном размере пенсии, россияне уверены в незначительной по покупательной способности, но гарантированной государственной поддержке пенсионеров. Вера в безусловную помощь властей провоцирует незаинтересованность широких групп домашних хозяйств в осуществлении пенсионных платежей и, как следствие, невысокую степень охвата населения пенсионными программами. Согласно результатам опроса 2013 г. подтвердили неуплату или не полную уплату пенсионных взносов 40 % опрошенных россиян [2]. При этом 85 % опрошенных знают о взаимосвязи легальной заработной платы и размера пенсии и 66 % после достижения пенсионного возраста планируют жить только на пенсию.

Вопрос о влиянии динамики национальных сбережений на экономический рост, поставленный в свое время Дж. М. Кейнсом, вновь стал актуальным благодаря дискуссии о способах финансирования пенсионных обязательств. Как указывают Барр и Диамонд, с макроэкономической точки зрения пенсионные отношения регулируют распределение общественного дохода между потреблением и инвестициями. И оптимальные пропорции этих величин обуславливаются особенностями национальной экономической системы. Например, высокая зависимость Китая или Японии

от внешнего спроса на товары и услуги, слабый внутренний потребительский спрос выступают серьезной проблемой. В таких условиях рост национальных сбережений вследствие формирования накопительной пенсионной системы отрицательно скажется на экономическом росте.

Для российской экономики эта часть «теста Барра и Диамонда» на целесообразность создания фондируемой пенсионной системы дает положительный результат. Склонность к сбережениям отечественных хозяйствующих субъектов достаточно низка, а экономическому развитию препятствует устаревшая технико-технологическая база производства и инфраструктурные ограничения. Преодоление барьеров требует радикального увеличения инвестиционной активности, что без роста нормы накопления сделать невозможно. Учитывая низкое качество институтов государственного управления в России лучше, если эта активность будет в частном секторе.

Следует также помнить, что взаимосвязь уровня сбережений и инвестиций не прямая (см. рис. 2). Известны три варианта трансформации сбережений в инвестиции: посредством банковской системы, посредством фондового рынка и прямое взаимодействие владельцев сбережений с реципиентами средств. Последний вариант по определению не может носить массовый характер и, для таких больших стран как Россия, редко ощутим на макроэкономическом уровне. В большинстве развитых стран банки и рынок ценных бумаг дополняют друг друга, создавая конкурентную среду на рынке капитала. В России же кредитные учреждения однозначно доминируют в этой сфере в силу гигантской разницы в объеме активов (на начало 2014 г. 86,1 % ВВП против менее 10 % ВВП у небанковских финансовых институтов). Кроме того, пятая часть активов российских банков представляет собой кредиты физическим лицам, а не менее половины кредитов предприятиям используется ими исключительно для пополнения оборотных средств. Таким образом, отечественный банковский сектор не может предоставлять достаточное финансирование для капиталовложений, и пенсионные средства способны взять на себя эту функцию, что является дополнительным аргументом в пользу созда-

ния и расширения фондируемой части пенсионной системы, о котором Барр и Диамонд не упоминают.

В тоже время, как справедливо отмечено этими учеными, макроэкономические последствия введения фондируемой пенсионной системы зависят от соотношения доходов и расходов государства, а точнее от способа финансирования расширенного дефицита правительств. Если на пенсионные взносы приобретаются вновь выпускаемые государственные облигации, то по влиянию на национальные сбережения накопительная пенсионная система ничем не будет отличаться от солидарной [5, с. 62]. Следуя этой логике, российскую практику принудительного финансирования инфраструктурных проектов квазигосударственных компаний за счет пенсионных накоплений необходимо признать лишь завуалированной попыткой заместить текущие расходы государственного бюджета долгосрочными обязательствами государственного сектора.

При выборе между солидарной и фондируемой пенсионными системами авторы «Пенсионных реформ...» предлагают учитывать, кроме воздействия на норму сбережения и динамику экономического роста, и уровень доходности инвестирования пенсионных средств. Критерий оценки весьма прост: если процентная ставка по пенсионным активам превышает темпы роста поступлений в распределительную часть пенсионной системы, то фондирование имеет смысл [5, с. 64]. Однако практическое использование рекомендации невозможно, поскольку она может быть выполнена только в рамках анализа «ex post», тогда как выбор механизма финансирования пенсионных обязательств относится к классу задач «ex ante».

В книге в целом очень скупо рассмотрен вопрос о размещении пенсионных активов, структуре инвестиционных портфелей пенсионных фондов. Авторы лишь в двух случаях приводят значения доходности пенсионных средств – в Венгрии за период 1998–2005 г. и в Сингапуре за период 1987–2004 годов. В обеих странах Барр и Диамонд оценивают доходность пенсионных фондов как разочаровывающую. В Венгрии она оказалась ниже роста заработной платы, а в Сингапуре в среднем лишь на 1,3 % превысила уровень

инфляции. К сожалению, проблема низкой доходности пенсионных активов хорошо знакома в России, но обсуждать результаты инвестирования без данных о процентных ставках и изменении фондовых индексов за анализируемый период не имеет смысла. Если доходность пенсионных счетов в целом соответствует конъюнктуре финансового рынка, то очевидно источником проблем выступают не инвестиционные институты, участвующие в капитализации пенсионных взносов, а дисбалансы в национальной экономике. Кроме того, объективности ради исследователи могли упомянуть о Турции, Чили или Польше, где номинальная доходность существенно превысила инфляцию [4].

Авторы не стали детально разбираться в причинах низкой доходности пенсионных фондов возможно потому, что у них заранее уже была своя версия ответа на этот вопрос. Источником проблемы названы большие административные издержки. Тема операционных расходов неоднократно поднимается в книге [5, с. 114, 117, 197, 200]. Величина затрат на содержание инфраструктуры пенсионной индустрии, по сути, становится самостоятельным фактором оценки способа организации пенсионной системы. Для России этот аспект не так актуален, как для многих других стран, поскольку изначально вознаграждение пенсионных фондов и управляющих компаний было поставлено в зависимость исключительно от полученного дохода (в большинстве стран стоимость услуг включает также определенный процент от размера пенсионных активов). Законодательно в России были ограничены расходы и на других участников механизма капитализации пенсионных взносов – брокеров, депозитарий, аудитора, биржу и т. д. Основная часть затрат на организацию сбора и хранения информации о взносах и выплатах по каждому участнику в рамках распределительной части пенсионной системы уже были произведены ранее, поскольку закон о персонифицированном учете пенсионных сведений действует в России еще с 1999 года.

Создание фондируемой пенсионной системы ставит общество перед необходимостью выбора из следующих альтернатив: использовать механизм установленных взносов («Defined Contribution») или установленных

выплат («Defined Benefit»), осуществлять инвестирование пенсионных средств централизованно (как правило, единый фонд управляемый государством) или децентрализованно (несколько фондов различной формы собственности под частным управлением), учитывать пенсионные средства на индивидуальных счетах или не персонифицировать учет. Барр и Диамонд не дают готовых рецептов на все случаи жизни. Их позиция остается неизменной: нет единственной оптимальной модели пенсионной системы. В каждой стране необходимо использовать вариант наилучшим образом позволяющий распределить риски, сгладить потребление и, конечно, минимизировать издержки. В книге приводится большое количество примеров удачной и неудачной организации пенсионного обеспечения в различных странах. Нужно отдать должное профессиональной эрудиции авторов, они с равной легкостью описывают подробности пенсионных систем Сингапура и Боливии, Швеции и Южной Африки, Швейцарии и Новой Зеландии, Китая и Канады. К сожалению, в работе не упоминается Россия, поэтому нам приходится самостоятельно проецировать подход авторов «Пенсионные реформы...» на российскую пенсионную систему.

Очень важный аспект, которому уделяется значительное внимание в книге, касается конкуренции на рынке пенсионных услуг и необходимости клиентам выбирать управляющего своим пенсионным счетом при децентрализованном размещении средств. Барр и Диамонд справедливо отмечают, что большое количество пенсионных фондов не тождественно более высокому уровню конкуренции и не обязательно ведет к снижению общественных издержек на пенсионную систему. Наличие в Швеции более 785 фондов (на 01.01.2007) по сути означает отсутствие возможности рационального выбора у граждан страны, высокие расходы на содержание фондов и поддержание актуальности централизованных баз данных о распределении клиентов.

Предоставляя каждому члену общества возможность выбора поставщика пенсионных услуг, авторы книги предлагают задуматься над тремя вопросами:

1. Нравится ли людям выбирать и способны ли они сделать правильный выбор на финансовом рынке?

2. Насколько значительными в результате выбора окажутся изменения для тех, кто сделал его правильно?

3. Во что обходится предоставление возможности выбирать? [5, с. 115].

Здесь авторы отступают от нейтрального стиля изложения и представляют читателю собственный взгляд на поднятую тему. Домашние хозяйства не любят выбирать, большинство из них не разбираются в финансах и поэтому не способны корректно оценить предлагаемые альтернативы. Обеспечение права выбора дорогое удовольствие, а даже правильный выбор в среднесрочной перспективе дает очень небольшие преимущества [5, с. 192].

Эти выводы вполне применимы и к России, поэтому к рекомендации авторов предлагать населению ограниченное количество очень простых инвестиционных альтернатив следует отнестись очень внимательно. Барру и Диамонду импонирует пенсионная программа для американских федеральных служащих US Thrift Savings Plan, где нужно выбрать из шести фондов, каждый из которых различается соотношением трех портфелей, соответствующих индексу акций, корпоративных и государственных облигаций. Представляется, что использование такого подхода способно решить большую часть проблем с результативностью механизма капитализации пенсионных взносов в России.

Несмотря на спорность многих утверждений книга Н. Барра и П. Диамонда «Пенсионные реформы: краткий путеводитель», безусловно, очень ценный аналитический труд, позволяющий более цельно представить функционирование пенсионной системы в контексте современных глобальных социально-экономических тенденций. Остается только сожалеть, что до сих пор это исследование не переведено на русский язык, и надеяться, что это не помешает отечественным специалистам по пенсионной тематике познакомиться с ним.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-02-00112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурвич, Е. Т. Перспективы российской пенсионной системы / Е. Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 46–72.
2. Малева, Т. М. Человек в солидарной пенсионной системе / Т. М. Малева // Экономическая политика. – 2014. – № 2. – С. 55–84.
3. Соловьев, А. К. Долгосрочное прогнозирование развития пенсионной системы России: факторы и условия / А. К. Соловьев // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 3. – С. 86–102.
4. Туманянц, К. А. Доходность пенсионных накоплений в России: сравнительный анализ / К. А. Туманянц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. – 2013. – № 2 (23). – С. 173–181.
5. Barr N. Pension reform: A short guide / N. Barr. – Oxford : Oxford University Press. – 2010. – 261 p.
6. Barr, N. Reforming pensions: Principles, analytical errors and policy directions / N. Barr, P. Diamond // International Social Security Review. – 2009. – Vol. 62. – № 2. – pp. 5–29.
7. IMF. World Economic Outlook Database. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/index.aspx>. – Title from screen.
8. Kotlikoff, L. J. The Coming Generational Storm: What You Need to Know about America's Economic Future / L. J. Kotlikoff, S. Burns. – Cambridge, Mass.; L., UK: MIT Press. 2004. – 276 p.
9. Pension - Competition and Performance in the Hungarian Second Pillar. World Bank. IMF. December 2005. – 74 p.

REFERENCES

1. Gurvich E.T. Perspektivy rossiyskoy pensionnoy sistemy [The Prospects of Russian Pension System]. *Voprosy ekonomiki*, 2007, no. 9, pp. 46-72.
2. Maleva T.M. Chelovek v solidarnoy pensionnoy sisteme [A Person in the Joint Pension System]. *Ekonomicheskaya politika*, 2014, no. 2, pp. 55-84.
3. Solovyev A.K. Dolgosrochnoe prognozirovanie razvitiya pensionnoy sistemy Rossii: faktory i usloviya [Long-Term Forecasting of the Development of Pension System in Russia: Factors and Conditions]. *Problemy prognozirovaniya*, 2012, no. 3, pp. 86-102.
4. Tumanyants K.A. Dokhodnost pensionnykh nakopleniy v Rossii: sravnitelnyy analiz [Profitability of Pension Capital in Russia: Comparative Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System], 2013, no. 2 (23) pp. 173-181.
5. Barr N., Diamond P. *Pension Reform: A Short Guide*. Oxford, Oxford University Press, 2010. 261 p.
6. Barr N., Diamond P. Reforming Pensions: Principles, Analytical Errors and Policy Directions. *International Social Security Review*, 2009, vol. 62, no. 2, pp. 5-29.
7. IMF. *World Economic Outlook Database*. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/index.aspx>. (accessed February 28, 2015).
8. Kotlikoff L.J., Burns S. *The Coming Generational Storm: What You Need to Know About America's Economic Future*. Cambridge, Mass.; London, MIT Press, 2004. 276 p.
9. Pension - Competition and Performance in the Hungarian Second Pillar. *World Bank. IMF*, December 2005. 74 p.

**HOW TO FIND OPTIMAL NATIONAL MODEL OF PENSION SYSTEM:
THE PROJECTION ON RUSSIA**

**(Book Review: Barr, N. Pension reform: A short guide [Text] / N. Barr,
P. Diamond. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 261 p.)**

Karen Avakovich Tumanyants

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economic Theory and Economic Policy,
Volgograd State University
tka210@gmail.com
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Mariya Viktorovna Utuchenkova

Assistant Professor, Department of Management,
Volgograd State University
maria.utuchenkova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation